

Тот вечер, Тао Амань задала Шэнь Роюй один вопрос.

— Учитель, откуда вы всё это знаете? Где вы научились?

Шэнь Роюй долго молчала.

— Из очень далёкого места.

Тао Амань не стала допытываться.

Она просто кивнула. Словно приняла этот ответ.

Но её взгляд — Шэнь Роюй это заметила — нёс в себе понимание, выходящее далеко за рамки её возраста.

Этот ребёнок знал, что она не отсюда.

Однако не стала раскрывать её тайну.

В тот вечер Шэнь Роюй при свете лампы писала дневник. Она вывела строчку:

Амань — одаренная от природы девочка. Она познает не через учебу, а через размышления. Если дать ей время, её достижения будут безграничны. Увы, этот мир не позволяет женщине занять достойное место в обществе.

Она отложила кисть. За окном шумели цикады, словно прилив.

Шэнь Роюй вспомнила собственную дочь — если бы Син Вань тоже была здесь, какой бы она стала? Наверное, точно так же, как Амань, сидела бы на корточках на земле, чертя прутиком круги и тихонько постигая законы, по которым вертится этот мир.

Жаль, её здесь нет.

Шэнь Роюй задула лампу.

В темноте она тихо промолвила:

— Амань, поучись за меня и за мою дочь тоже.

Префектура Тайпин на первый взгляд успокоилась.

Но Се Тунчжи не сидел сложа руки.

Сеть «Ушной ветер» Чэнь Анюя — те самые мальчишки-нищие, что околачивались на улицах, — принесли весть: Се Тунчжи в последнее время часто и тайком встречается с несколькими влиятельными городскими дельцами. Управляющим Чжоу из зерновой лавки, хозяином Чжао из мануфактурной и хозяином Цянь из ломбарда.

— Они создали коалицию, — доложил Чэнь Анюй. — Специально идут против нас.

Син Вань не удивилась. Се Тунчжи потерпел поражение в прошлых делах с зерном и опиумом, он так просто это не оставит.

Но куда больше её заслуживало внимания другое донесение.

— Позавчера Се Тунчжи виделся с заезжим купцом, — понизил голос Чэнь Анюй. — Тот торговец назвался по фамилии Чан.

По фамилии Чан.

Син Вань нахмурилась.

Она не могла объяснить почему, но фамилия Чан вызывала у неё беспричинное беспокойство. Вроде бы простое предчувствие, но она не верила предчувствиям. Она верила только фактам.

— Продолжайте слежку, — велела она. — Выясните, откуда этот Чан взялся.

В то же время Се Тунчжи развернул политическое наступление.

Он больше не шёл на прямой конфликт с Син Вань — поумнел. Он распускал по городу слухи самым коварным способом: не говорил от своего имени, а заставлял говорить других.

Девушка Лу научилась земледелию у беглых бунтовщиков.

От её странных методов люди накликают на себя бедствия.

Сами посмотрите на то опытное поле, ростки жёлтые-прежние, разве вырастит из них хорошее зерно?

Некоторые суеверные бродяги начали испытывать страх. Кое-кто тайком приходил на опытное поле и вытапывал молодые побеги. Другие тыкали пальцами за спиной. А несколько старух прибежали к краю поля жечь ритуальные бумажные деньги, якобы для изгнания нечистой силы, и заодно вытоптали целую полосу только что взошедших ростков.

Чэнь Анюй разъярился и хотел схватить вредителей. Син Вань остановила его.

— А толку их хватать? Они не злодеи, просто напуганы. Пугают не они, пугает Се Тунчжи.

Син Вань не стала спорить в открытую.

Она стала ждать.

Прошло две недели.

На опытном поле досрочно собрали небольшой урожай — чумизу. Немного, всего с десяток цзинь. Но она велела положить рядом чумизу, выращенную по её методу, и зерно, возделанное традиционным способом, чтобы все могли сравнить.

Её чумиза — зернышко к зернышку, золотистого цвета. Горсть приятно оттягивает руку, и от неё пахнет настоящим зерном.

Традиционная — сморщенная, серая. Легкая, как пучок сухой травы.

Сравнение урожайности: на точно таком же участке земли её метод дал всходы на четыре чэна выше.

Обе кучи зерна выставили у городских ворот. Чтобы весь город видел. Рядом водрузили деревянную доску, на которой четко вывели два набора цифр: урожайность, площадь в му, способ удобрения. Всё черным по белому.

Никаких объяснений не требовалось. Цифры говорили сами за себя.

Старухи больше не жгли бумажные деньги. Злопыхатели перестали тыкать пальцами. Ложь Се Тунчжи рассыпалась в прах перед кучей золотистого зерна.

Су Цзиньшу нашла её в тот же вечер.

— Того купца по фамилии Чан — я навела справки.

— И что узнала?

— У него в Гуйдэ-фу несколько предприятий. Зерновая лавка, кузница, ломбард. Но никто не знает его подноготной: когда явился, откуда прибыл, кто за ним стоит.

Син Вань задумалась.

— Зачем он явился в Гуйдэ-фу?

— Не знаю. Но... — Су Цзиньшу пристально посмотрела на неё. — Он приехал как раз после того, как ты выиграла то сражение на пять тысяч человек.

Син Вань смолчала.

Человек с неизвестным прошлым прибыл в Гуйдэ-фу после ее крупной победы.

И шуры-муры крутит с Се Тунчжи.

Фамилия Чан.

Это не было похоже на простое совпадение.

Син Вань стояла у окна, глядя на огни ночного города. В комнату залетал прохладный ночной ветерок. Она сжала кулаки.

— Продолжай копать, — сказала она. — Где он останавливается, с кем встречается, что покупает — я хочу знать всё.

Су Цзиньшу кивнула и молча удалилась.

Син Вань долго стояла в одиночестве.

Интуиция подсказывала ей: этот человек по фамилии Чан станет проблемой. Огромной проблемой.

Распределение продовольствия породило ожесточенные споры.

Причина банальна: беженцев в городе становилось всё больше, еды на всех не хватало. Как делить?

Одна партия выступала за раздачу по едокам — каждому по три хэ риса в день, независимо от того, работает человек или нет. Справедливо.

Другая партия стояла за распределение по труду — кто работает больше, тот и ест больше, кто не работает, ест меньше. Рационально.

Споры кипели три дня, но к согласию так и не пришли. Наконец дело дошло до Син Вань.

Сторонники дележки по едокам заявляли:

— Человек жив, значит, должен есть, трудится он или нет. Таков естественный закон.

Сторонники трудового пайка возражали:

— Работющие надрывают спины до седьмого пота, а тунеядцы валяются и получают столько же — кто после этого станет горбатиться?

У каждой стороны были свои резоны, и никто не желал уступать. Су Цзиньшу склонялась к распределению по труду — происхождение из знатного рода приучило её верить в четкую систему наград и наказаний. Цинь Ху тоже поддерживал трудовой паек: в армии заведено именно так — отличился в бою, ешь мясо, сидишь без подвигов — хлебай пустую похлебку. Зато Чэн Яньцю возмутился:

— А что делать старикам и детям? А больным? Раз они не могут трудиться, им теперь с голоду помирать?

В конце концов все взгляды сошлись на Син Вань.

Она немного подумала.

— Пробуем оба варианта.

— Что?

— Испытаем оба способа. Восточный район снабжаем по едокам, западный — по труду. Через две недели посмотрим, где результаты окажутся лучше. Запомните: численность населения, запасы зерна и демографический состав в обоих районах должны быть примерно одинаковыми, иначе данные окажутся неточными.

Метод двух очагов.

А/В тестирование.

Су Цзиньшу посмотрела на неё:

— Ты серьезно?

— Более чем. Этот метод называется... — она чуть не сболтнула про А/В тестирование. — Называется методом двух очагов. Два очага, два способа варки — поглядим, какой из них вкуснее.

Эксперимент в двух районах начался одновременно.

Син Вань ежедневно вела учет данных: число вышедших на работу, расход зерна, количество конфликтов, число заболевших. Она отправляла Чэнь Анюя каждый день делать круг по обоим районам, фиксируя обстановку: не ленится ли кто, не ругается ли, не пытается ли тайком перебежать в другой район.

Жители восточного района вздохнули с облегчением — можно не надрываться на тяжелой работе, а сытым будешь. Но спустя несколько дней число работников стало сокращаться. Раз от труда ничего не меняется, к чему себя изнурять?

В западном районе поначалу все горели энтузиазмом: больше работаешь — больше получаешь, и это правильно. Однако вскоре возникли проблемы. Одна вдова воспитывала двоих детей, старшему было всего пять лет, тяжелую работу он выполнять не мог. При распределении по труду выделенного ей пайка не хватало на прокорм. Соседи сжалились и тайком подкинули ей немного еды — в результате бригадир заметил это и урезал паек самому соседу. Так и вспыхнули распри.

Чэн Яньцю пару дней понаблюдав за этим со стороны и не выдержав сарказма:

— Твой метод... прям как лечение у доктора. Сперва пробуем одно снадобье, не помогает — меняем.

— Наконец-то ты изрек умную мысль.

— Я всегда умен. Просто вы не обращаете внимания.

Две недели спустя подоспели данные.

Восточный район, где паек делили по едокам: низкая доля работающих (сделаешь больше или меньше — всё одно, никто не хочет горбатиться), но минимум конфликтов и спокойная обстановка в умах.

Западный район, где пища распределялась по труду: производительность труда выше на тридцать процентов (больше сделал — больше получил, есть стимул), зато на двадцать процентов больше конфликтов (кто-то ленится и лишается пайка, кто-то считает распределение несправедливым).

У каждого варианта свои плюсы и минусы.

Тогда Син Вань разработала смешанный план: базовый паек выдается на каждого едока — по два хэ риса в день гарантируют, что никто не умрет с голоду. Сверхплановое вознаграждение идет за труд — ударникам положено сверху еще от половины до целого хэ.

— Гарантированный минимум плюс стимул, — пояснила она Су Цзиньшу.

Та призадумалась.

— Твой метод... просто великолепен.

— Дело не в великолепии. А в целесообразности.

Цинь Ху, ознакомившись с итоговым планом, презрительно фыркнул.

— Ты маялась целый месяц ради этого?

— Это называется системой, — ответила Син Вань. — При хорошей системе можно управлять и десятком тысяч человек. При плохой — и десятерых не удержишь.

Цинь Ху умолк.

Он прожил пятьдесят восемь лет, сорок из которых провёл в сражениях. Видал бесчисленных генералов. И ни один из них не произносил при нём слово система.

Однако в глубине души он чувствовал: то, о чём толкует эта девчонка, куда полезнее всех речей вместе взятых, что доводилось слышать от военачальников.

Осень тридцать третьего года правления Ванли. Префектура Тайпин.

Эта запись обнаружилась во второй половине Записей о воспоминаниях прошлого. Когда Син Вань долистала до неё, пальцы её замерли.

Это был первый настоящий противник, с которым столкнулась её мама.

Явился Ма Чжун.

Тридцати восьми лет, среднего роста, с бледным лицом и облаченный в добротное шёлковое платье. Он был цепным псом — налоговым надсмотрщиком, состоящим при евнухе-

распорядителе сучжоуских и ханчжоуских мануфактур Сунь Луне, и отвечал за выколачивание горных податей по всему Южному Чжили.

В сопровождении пяти подручных он вальяжно шагнул на территорию гончарной мастерской Шэнь Роюй.

— Госпожа Шэнь, — он сложил руки в приветствии и усмехнулся точно лис. — Слышал я, ваши печи выдают знатный товар. В префектуре Тайпин только и разговоров, что ваша керамика превосходит императорские печи.

Шэнь Роюй стояла у горна и не сдвинулась с места.

— Господин Ма слишком любезен. Это скромный ремесленный промысел, всего лишь способ заработать на хлеб.

— На хлеб? — Ма Чжун усмехнулся. — Пожалуй, не только на него.

Он окинул взглядом мастерскую: возведенная вторая печь, аккуратно уложенные глиняные заготовки, а в углублении стены — целый ряд уже обожженных готовых изделий.

— По заведенному порядку — с горных сборов полагается три десятых.

Выражение лица Шэнь Роюй не изменилось.

— Господин Ма, это частная гончарня. Здесь обжигают глиняную посуду, а не руду. Горные налоги здесь неуместны.

Улыбка Ма Чжуна не дрогнула, но глаза заledenели.

— Госпожа Шэнь. Я сказал, что налог взыскивается, значит, он будет взыскан.

Шэнь Роюй смотрела на него.

Ей доводилось встречать слишком много подобных типов. В годы работы в интернет-компании она сталкивалась с заказчиками, которые под видом аудита устраивали шантаж. Во время физических олимпиад она видела судей, зажимавших участников ради соблюдения придуманных правил.

В сущности, все они были одного поля ягоды: использовали власть, чтобы угнетать бесправных.

— Три десятых, — Ма Чжун выставил три пальца. — Расчет ежемесячно. Не заплатите —

опечатаю печи.

Он развернулся и ушел.

Этой же ночью Ма Чжун послал людей в мастерскую для проверки налогов.

На деле — грабить.

Пятеро лиц в масках перелезли через ограду мастерской. План их был донельзя прост: утащить готовую керамику да заодно проучить строптивую вдову.

Но едва они перемахнули стену, как столкнулись со странностью.

Из обжигового канала доносился звук.

Низкий гудящий гул. словно ветер свистел в узком проходе — но этой ночью ветра не было.

Звук то поднимался, то затихал, обрываясь и возобновляясь вновь. Будто в глубине печи нечто дышало.

Все пятеро замерли на месте.

А затем звук изменился.

Он перешел в резкий, пронзительный визг. словно кто-то дул в гигантскую флейту внутри горна.

Один из налетчиков в испуге попятился.

— Призраки!

Второй швырнул то, что держал в руке, и бросился наутек.

Третий заколебался — но свист вдруг усилился так, будто сама печь взревела от ярости.

Вся пятерка кубарем скатилась обратно через забор и обратилась в бегство.

Шэнь Роюй стояла позади печи.

В её руке покоилась бамбуковая трубка. Один конец трубки был пропущен в дымоход печи.

Акустический принцип — резонанс.

Дымовой канал печи представлял собой естественную резонансную камеру. Когда воздушный поток проходит через него с определенной скоростью, рождается звук заданной частоты. Ей требовалось лишь скорректировать угол наклона трубки и скорость воздуха, чтобы породить самые разные звуки: низкое гудение, пронзительный свист или даже рыдания, похожие на человеческий голос.

Она учила учеников: звук — это колебание. Колебаниями можно управлять.

Если управлять ими умело — получаются музыкальные инструменты.

Если управлять ими еще лучше — получается оружие.

На следующий день Ма Чжун заявился к ней снова.

Вид у него был не из лучших. О ночном происшествии он уже услышал от подчиненных — про какую-то нечистую силу. В призраков он не верил. Но и объяснить те звуки не мог.

— Госпожа Шэнь, — его тон стал жестче, чем вчера. — То, что случилось прошлой ночью... ваших рук дело?

— Господин Ма шутит, — лицо Шэнь Роюй оставалось бесстрастным. — В мастерской завелась нечисть, я и сама напугана.

Ма Чжун уставился на неё.

Он знал, что это она. Но доказательств не имел. К тому же звуки и впрямь звучали жутко. Он и сам уже сомневался... а вдруг и правда завелись призраки?

— Даю вам три дня, — бросил он через плечо, разворачиваясь. — За три дня думайте хорошенько.

Монах Хуэймин отыскал Шэнь Роюй во второй половине того же дня.

— Госпожа Шэнь. Этот ваш фокус одурачит их на время, но не на века.

Шэнь Роюй посмотрела на него.

— Старик имеет предложение — не желаете ли приписать мастерскую к монастырю Баоэнь? Храмовое имущество не облагается горным налогом. Таков закон, установленный великим предком династии, и покуситься на него никто не смеет.

Шэнь Роюй задумалась.

Приписать к монастырю Баоэнь — значит, номинально мастерская числится за обителью. Она сможет продолжать дело, не выплачивая горных податей. Плата за это — регулярные пожертвования в пользу монастыря.

Но это куда выгоднее, чем отдавать Ма Чжуну три десятых.

— Зачем мастеру помогать мне?

Хуэймин улыбнулся.

— Старик помогает не госпоже Шэнь. Старик помогает детям, что учатся в школе.

Шэнь Роюй взгляделась в него.

Затем кивнула.

— Благодарю за помощь, учитель.

Гуйдэ-фу.

Син Вань созвала первый официальный ежемесячный совет.

Пятеро уселись в боковой комнате. Цинь Ху, Су Цзиньшу, Чэнь Анюй, Чэн Яньцю и сама Син Вань.

На стене висела куском белой ткани импровизированная доска ежемесячных показателей — Син Вань начертила её древесным углем.

...

Показатели Гуйдэ-фу за месяц (июнь 14-го года Чунчжэнь)

Запасы зерна: ↑ 15% (Источник: первый сбор с опытного поля + храмовые подношения + возврат от Се Тунчжи)

Боеспособность ополчения: ↑ 25% (Источник: Двенадцать приказов по обороне города + тренировки лучников + водяные мельницы, освободившие рабочие руки)

Население: + 300 (Источник: новые беженцы, учтенные по переписным книгам)

Заболеваемость: ↓ 10% (Источник: кипячение воды и дезинфекция + работа медпункта)

Запас стрел: ↓ 40% (Предупреждение: слишком быстрый расход, требуется пополнение)

Запасы ткани: ↓ (Предупреждение: приближается зима, требуются заготовки)

...

— Начнем с хорошего, — Син Вань указала на стрелки, устремленные вверх. — Запасы продовольствия и боеспособность растут. Это говорит о том, что направление мы выбрали верное.

— Теперь о плохом, — она перевела палец на стрелки вниз. — Стрелы расходуются слишком быстро. При следующем крупномасштабном штурме нам может их не хватить. Ткани тоже не хватает — скоро зима, а многие в городе до сих пор ходят в легкой одежде.

Цинь Ху обозначил свою проблему:

— Новобранцев слишком много. Старослужащих не хватает на всех. Из пятисот человек по настоящему воевать способны меньше сотни. Остальные — свежий набор, обучаются меньше месяца.

Су Цзиньшу высказала своё:

— В городе дефицит ткани. Что делать зимой? Гуйдэ-фу не юг, зимой здесь выпадает снег.

Чэнь Анюй доложил:

— За городом объявились новые шайки разбойников. Небольшие, по двести-триста человек. Но они терзают окрестные деревни.

Син Вань зафиксировала каждую проблему на деревянных дощечках, после чего распределила задачи.

— Стрелы — за дядей Цинь. Пусть инженерный отряд зай Ся изготовлением. Цель: пополнить запас на пятьсот штук в течение месяца.

— Обучение новобранцев — тоже на дяде Цинь. Выбрать из ветеранов десяток инструкторов, по одному на каждые десять человек.

— Ткань — за Цзиньшу. Выясни, нельзя ли закупить в окрестных селениях. Меняйте на зерно.

— Разбойники — Анюй продолжает слежку. Выяснить численность, вооружение, обычные маршруты. Если масштаб небольшой, сможем ударить на упреждение.

Рядом с каждой задачей она проставила срок сдачи — она едва не произнесла слово спринт.

Цинь Ху разглядывал испещренную надписями деревянную доску.

— Этот ваш способ проводить совещания... — покачал он головой. — Утомительнее, чем война.

Су Цзиньшу мягко улыбнулась.

— Ну как ощущения? — поинтересовалась она у Цинь Ху.

Тот призадумался.

— ...Сойдет, — проронил он голос тише обычного. — По крайней мере... точно знаешь, что делать.

По окончании совета все пятеро уселись на крепостной стене с чашами в руках.

Рисовое вино. Кустарного приготовления. На вкус так себе. Но в Гуйдэ-фу конца эпохи Мин раздобыть спиртное уже считалось роскошью.

Заходящее солнце окрасило городские стены в багряно-оранжевые тона. Поля в отдалении погружались в тишину сумерек.

Цинь Ху сделал большой глоток и вытер губы рукавом.

— Я воюю сорок лет. А совещание провел впервые.

— Отныне будем собираться раз в месяц, — обронила Син Вань.

— Раз в месяц? — Цинь Ху нахмурился.

— Каждый месяц.

Он хмыкнул, но возражать не стал.

Чэн Яньцю прислонился к зубцу стены, глядя в небо.

— Как думаете... сколько продсятся такие деньки?

Никто не ответил.

Син Вань обвела их взглядом. Однорукий ветеран, падшая дочь знатного рода, мальчишка с улицы, превзошедший всех в уговорах, и ядовитый на язык, но надежный лекарь.

Её команда.

Внезапно в её голове возник вопрос:

Была ли у мамы в годы правления Ванли точно такая же команда?

Была ли у нее такая же горстка людей, сидевших кружком под какой-нибудь стеной в неведомом месте, попивавших сивуху и созерцавших тот же самый закат?

Она не знала.

Но ей хотелось верить, что да.

Она подняла чашу и осушила остатки рисового вина. Теплая жидкость скользнула по горлу, оставив в груди крошечный очаг тепла. Ночной ветерок дул со стороны полей, принося запахи влажной земли и созревающих хлебов.

Осень тридцать четвертого года правления Ванли. Префектура Тайпин.

Перелистнув страницу, Син Вань помедлила.

Имя на этой странице ей не было знакомо. Гу Чанцин — кто это?

Гу Чанцин прибыл в префектуру Тайпин вовсе не за знаниями.

Он пришел браниться.

Тридцать два года, трижды провалил провинциальные экзамены. Из богатств — лишь ветхое рубище да накопившиеся за полжизни статьи и желчь.

Он услышал, будто в префектуре Тайпин объявилась странная Госпожа Шэнь — какая-то вдова, открывшая школу и обучающая всякой чепухе. Женщины лезут в государственные дела, нарушая все устои. Он решил написать обличительную статью и пристыдить её.

Материалы были собраны. Название уже вертелось на языке: К вопросу о недопустимости женского вмешательства в государственные дела.

Он заявился к дверям школы, намереваясь сперва послушать урок со стороны, дабы раздобыть вещественных улик.

В тот день Шэнь Роюй читала лекцию о законе рычага.

Для наглядности она использовала палку и камень — палка покоилась на небольшом булыжнике, а под один ее конец был подведен тяжелый валун.

— Взгляните, — обратилась она к детям. — Эта палка — рычаг. Точка опоры находится здесь. Я давя с этой стороны — и тяжелый валун приподнимается.

Она легко надавила.

Валун сдвинулся с места.

Дети восхищенно ахнули.

— А если сделать палку длиннее? — она сменила палку на более длинную. На этот раз она надавила всего одним пальцем.

Валун взмыл еще выше.

— В этом и заключается сила рычага, — произнесла она. — Дайте мне достаточно длинную палку, и я сдвину всю Землю.

Гу Чанцин стоял за окном.

Сперва он хотел рассмеяться: бабьи рассказы.

Но смеяться передумал.

Ибо он всё понял.

Эта палка, тот камень, точка опоры — связь между ними оказалась настолько простой, что её постиг бы и восьмилетний ребенок. Но за этой простотой скрывалась колоссальная мощь.

Он читал в книгах о том, как малой силой можно одолеть тысячу цзиней. Но то был лишь красивый оборот речи.

Теперь же он воочию убедился — малой силой действительно можно сдвинуть тысячу цзиней.

По окончании урока он отыскал Шэнь Роюй.

— Все эти ваши вещи... — голос его звучал глуховато. — В книгах о таком не пишут.

Шэнь Роюй подняла голову и окинула его оценивающим взглядом.

<http://bllate.org/book/21208/2146549>